

События приняли неожиданный оборот, к которому С был совершенно не готов.

Он забрал этого ягненка, чтобы держать его отдельно от остальных. Но теперь, пока жизнь этого существа не оборвалась, Линь Хуайшэн стал для С грузом, от которого невозможно избавиться.

В какой-то момент С даже всерьез задумался, что же делать с Линь Хуайшэном дальше.

Однако ягненку не нужно было, чтобы он ломал над этим голову. Линь Хуайшэн, сам того не ведая, спас измученный мозг этого человека. После пережитых эмоциональных качелей в голове у Линь Хуайшэна что-то надломилось, и его внезапно охватил жар.

Линь Хуайшэн остался в этой комнате. Лежа на не самой мягкой кровати, он в полубреду думал: оказывается, это и правда комната господина С. И тогда мебель, что прежде причиняла ему боль, внезапно показалась ему почти милой. Не видя ничего, он протягивал руки, ощупывая подушку и края одеяла.

Его непоседливые пальцы вдруг оказались в тисках мужской ладони. Голос С прозвучал совсем не ласково:

— Что ты делаешь?

Стоило ему заговорить, как вся постель словно пропиталась его запахом. Запах горького табака и запекшейся крови — то, что Линь Хуайшэн раньше не выносил, — теперь вызывал у юноши странное, одурманивающее чувство безопасности.

Не видя ничего, Линь Хуайшэн все равно потянулся на голос, неуклюже пытаясь нащупать мужчину. Его глаза, воспаленные от жара, покраснели, словно иссохшая земля. С невольно вспомнил, как часто этот ягненок плакал — возможно, именно из-за того, что он пролил столько слез, его теперь и мучает лихорадка. А может, он и ослеп от бесконечных рыданий.

Юноша, словно играя, не выпускал руку похитителя. С мог бы без труда отстраниться — у него были дела поважнее. Но его пальцы замерли на глазах юноши. Неужели это и есть его самое важное дело? С почувствовал смятение, но не отстранился.

Слепой ягненок проявлял крайнюю степень привязанности, полную покорность и беззащитность. Такие отношения не могли существовать в реальном, обычном мире. Но здесь, в этой комнате, в ходе этого похищения, они оба подтвердили свою роль по отношению друг к другу.

У этого ребенка проявилась удивительная способность, которую С замечал всё отчетливее. Он начал нарушать собственные принципы, ведя себя так, что это не могло не выглядеть жалко. Это противоречило его натуре, и мужчина понимал, что так продолжаться не должно.

Но хитрость Линь Хуайшэна была в том, что он ничего не видел.

Он не видел, до какой степени безумия и распущенности доходил С, а значит, С был прощен.

Находясь рядом с этим юношей, С чувствовал небывалое расслабление. Он не принимал наркотиков, но, кажется, начал понимать, что именно чувствуют люди в состоянии эйфории. Его нервы словно отключились, мозг приятно опустел, а ключом к его слабости стали незрячие глаза Линь Хуайшэна. Как же они были прекрасны! Казалось, вся красота глаз азиатского народа была скопирована с него, раздроблена на мелкие детали и распределена между остальными. С вдруг вспомнил, как десять с лишним лет назад проходил мимо главного городского собора и взглянул на статую Девы Марии — тогда он ощутил нечто подобное. Сейчас же эти глаза, словно снятые с недостижимого изваяния, обрели жизнь в этом ребенке, которого он держал в своей власти.

Ему было так хорошо...

С снова и снова гладил глазницы Линь Хуайшэна. Подушечки его пальцев, привыкшие нажимать на курок и огрубевшие от постоянных тренировок, теперь касались нежной кожи, оставляя следы, словно от тернового венца. Линь Хуайшэн мелко дрожал — он был настолько чувствителен, что даже малейшая боль казалась ему невыносимой, но, похоже, он сумел разгадать скрытый смысл действий похитителя. Он заворочался в одеялах, поворачиваясь всем телом к С. Он безмолвно соглашался на все — он готов был страдать, будучи самой прекрасной и милосердной жертвой в мире. С понял его, и ему показалось, что в этот момент их души стали ближе, чем когда-либо прежде.

Он был не только похитителем для этого ягненка, но и благочестивым верующим для этой юной святой девы.

Нет.

С внезапно очнулся. Ему показалось, что его околдовали. Его охватил ужас — за свою слабость, за Линь Хуайшэна. Он резко отдернул руку, случайно оцарапав лицо юноши. Мужчина посмотрел на Линь Хуайшэна холодным, настороженным взглядом. В следующую секунду эта рука, что только что ласкала его, могла стать рукой убийцы.

Но Линь Хуайшэн снова потянулся к нему. Он, кажется, привык к переменчивому нраву своего похитителя. Его чувства были настолько велики, что давали ему силы для безграничного терпения и понимания.

Безрассудный ягненок подошел к мяснику, предлагая свою нежность. Линь Хуайшэн нащупал руку С и крепко ухватился за нее. Мужчина пытался отстраниться, но юноша не отпускал, снова притягивая его пальцы к своим глазам.

С застыл, словно равнодушная каменная статуя. Он думал, что обязательно вырвет эти глаза,

но теперь его движения стали мягче. В конце концов, огрубевшие от насилия руки склонились перед этим ребенком, став для него своего рода броней.

Ягненок, кажется, улыбнулся.

С не мог описать эту улыбку: немного застенчивая, немного тревожная, но обладающая силой, способной повалить его на землю.

— Мои глаза... сейчас они выглядят ужасно?

Художники и торговцы предметами искусства оплакивали бы запылившийся драгоценный камень, но С, лишенный чувства прекрасного безумец, живущий на грани жизни и смерти, не видел разницы. Более того, не сияющий камень казался ему даже более притягательным. Он не признавался в этом даже самому себе, но его действия выдали его с головой, поэтому Линь Хуайшэн больше не стал спрашивать. Он все понял.

Он затих, а С, напротив, начал думать обо всем на свете. Его мозг снова закипал, превращая его в безумца, которого он сам не узнавал. Приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы не выдать свою внезапную слабость.

— Нет.

Его ответ был кратким.

Получив отклик, Линь Хуайшэн довольно улыбнулся. Он послушно принял лекарство, но стал более разговорчивым, жалуясь на горечь таблеток и сильную головную боль, проявляя свою близость и детское кокетство. Его хриплый голос звучал бесконечно, словно капли дождя по стеклу. С подумал об этом и, прежде чем успел осознать, сказал, что на улице идет дождь.

— Правда?

Маленький ягненок проявил любопытство. Дождь означал, что трава станет ароматнее — он наверняка любил это, вот почему так обрадовался.

— Да, — ответил С.

Разумеется, в месте, где их держали, ничего нельзя было услышать. Восприятие внешнего мира для ягненка зависело только от слов похитителя. Его язык решал, что именно услышит Линь Хуайшэн, и это осознание дарило С странное чувство милосердия.

В ту ночь Линь Хуайшэн остался в комнате господина С, окруженный его молчаливой заботой. С уступил ему кровать, а сам остался, усевшись на стул, и провел так всю ночь.

Днем, когда жар спал, Линь Хуайшэна отвели обратно в общую комнату.

Поначалу юноша не понимал почему — голова все еще гудела, мысли путались. Он просто подсознательно не хотел покидать мужчину. Но, оказавшись перед дверью камеры, он, кажется, все понял.

Он обернулся, и его незрячие глаза устремились на похитителя. Это был еще один ядовитый укол, который ягненок нанес своему мучителю. Пока он видел, его глаза были райским садом, но ослепнув, они стали змеиным ядом — самым прекрасным и смертоносным ядом на свете.

С почувствовал, как его схватили за горло. Он понял, что дело плохо: сейчас он подойдет и начнет гладить глаза Линь Хуайшэна, а может, совершит нечто большее — коснется их губами, поклоняясь им в поцелуе. Он хотел сойти с ума, он был на грани безумия. Адреналин зашкаливал. Его богом любви был бог смерти, и он любил этого человека так, словно любил саму смерть.

Слова Линь Хуайшэна остановили его, вытащили из водоворота, смыли с него грязь и вернули ему самообладание.

Он все так же невинно и сладко улыбался.

— Тогда я пойду... — он немного смутился, что просит о чем-то, но все же постарался выразить свою надежду: — Ты ведь придешь за мной потом, правда?

Он был таким милым и таким жестоким.

Спасти тонущего человека только для того, чтобы потом убить его на берегу.

В голове у С прогремел взрыв. Он словно разучился думать, в памяти билась лишь эта милая и наивная просьба Линь Хуайшэна.

Сказав это, Линь Хуайшэн поспешно скрылся за дверью. Он даже не стал ждать ответа, полагая, что пока ответа нет, остается место для мечты.

Но он не видел, что губы С уже дрогнули, готовые сказать да, готовые согласиться. Его охватило беспокойство и сожаление, породив совершенно иного похитителя. Теперь С хотел связать этого ягненка и унести в свое собственное логово.

С даже хотел ворваться следом, схватить Линь Хуайшэна, нет — спасти своего ягненка из загона, где томятся тысячи обычных людей. Но ограда, которую он сам же и выстроил, теперь преграждала путь ему самому. Похититель стоял, словно лишившись души, ожидая, когда его ягненок снова выйдет, чтобы спасти его.

Линь Хуайшэн не знал, что его окрестили ягненком, став для похитителя идеальным воплощением этого образа. Он не знал, какая роль или миссия ему уготована.

Этот счастливый маленький слепец вел себя так, будто просто прогулялся, попрощался с мясником и вернулся на бойню. Но для его товарищей этот юноша перестал быть одним из них.

Атмосфера между тремя заложниками стала крайне напряженной.

Линь Хуайшэна забирали на всю ночь, Исер был жестоко избит — равновесие было нарушено. Арнольд, единственный, кто сохранял относительное спокойствие, понимал: сейчас самое важное — держаться вместе. Какими бы ни были цели похитителя, они не должны разобщаться.

Исер, получивший переломы, лежал без сил, поэтому Арнольд взял на себя инициативу проявить заботу о вернувшемся Линь Хуайшэне, надеясь попутно разузнать что-то о планах похитителя.

— Линь, ты в порядке?

На самом деле они были незнакомы, и имя азиатского юноши Арнольд узнал лишь из обрывков фраз похитителя. Поэтому произносил он фамилию Линь с заметным акцентом.

К счастью, у него был глубокий, приятный голос, свойственный германским народам.

Линь Хуайшэн, чьи уши были скрыты волосами, вздрогнул. Он уже научился примерно определять направление по звуку и, повернувшись, стал неуклюже ощупывать пространство перед собой.

На полпути он понял, что забыл ответить, и, замерши на месте, виновато улыбнулся в пустоту, поспешно оправдываясь:

— Да, со мной все хорошо. А вы как?

За каждым его движением внимательно следили. Арнольд наблюдал за ним, но пока что все, что показывал Линь Хуайшэн, казалось естественным и простым.

Арнольд хотел проверить его еще раз. Он мастерски умел создавать и контролировать тишину. В этой гнетущей атмосфере Линь Хуайшэн начал чувствовать тревогу и вину. Вчера его не тронули, значит, кто-то другой стал его козлом отпущения. Он вернулся невредимым, словно дезертир, нарушивший негласный договор заложников, став предателем.

Юноша теребил пальцы, его речь стала сбивчивой, а оправдания — бесконечными.

— Кто-то... кто-то пострадал? Как вы? Может, нам попросить его? Я слышал, они что-то ищут.

— Не знаю что, а вы?

— Он... он на самом деле хороший. Не бил меня, разрешил спать на кровати, заботился... Давайте попросим его, может, он согласится... Кстати, вы ели?

Арнольд нахмурился. Юноша перед ним был раздавлен чувством вины, обнаруживая свое необычное психическое состояние.

Арнольд видел таких людей раньше. После тяжелых травм психика начинает защищаться, и отчуждение — одна из форм такой защиты. Арнольд понял, что этот юноша находится именно в таком состоянии, и прекратил психологическое давление. Однако...

Исер, лежавший до этого неподвижно, как кусок грязи, вдруг рассмеялся. Его смех был похож на хрип рваных мехов.

Он с трудом сел, не скрывая злобы и презрения.

— С чего бы похитителю тебя слушать?

— Ты что, от побоев с ума сошел?

— Или он тебя уложил в постель, и ты растаял? Маленький дурачок.

<http://bllate.org/book/20559/2054832>